

УДК 87.3

А.В. Малинов

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ:
ОТ СЦИЕНТИЗМА К КУЛЬТУРОЛОГИИ***

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

В статье рассматриваются сциентизм, историзм и культурология как и методы исторического знания и способы познания реальности, используемые в академической или университетской философии истории. Претензии естествознания на исключительное право владения истиной и достижения объективного знания приводят к попыткам обосновать историю в качестве науки, подобной естествознанию, открывающей законы социальной жизни, познающей то, что «было на самом деле». В историографии XIX в. этот подход нашел воплощение в принципах историзма, предполагающих универсальность и стадильность социально-исторического развития. В качестве альтернативы сциентизму был сформулирован культурологический подход в историографии, который указывал на индивидуальность и уникальность исторических событий, признавал наличие в истории смысла, стремился к познанию идеалов и ценностей, которыми руководствовались люди в прошлом. Историческая наука, философия истории, методология истории не выработали единого подхода к истории. Сциентистский и культурологический подходы не дополняют друг друга и не противостоят друг другу в строгом смысле слова. В рамках этих подходов были сформулированы свои методы, схемы объяснения, критерии истинности, профессиональные понятия. Иными словами, сциентистский и культурологический подходы трансформировались с самостоятельными дискурсами.

ИСТОРИОГРАФИЯ; НАУКА; СЦИЕНТИЗМ; ИСТОРИЗМ;
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.

История исторических знаний насчитывает тысячелетия, хотя и считается, что собственно исторический взгляд на мир был задан

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (№ 15-03-00488).

христианством. Конечно, можно спорить о том, были ли древние знания о прошлом историческим знанием в его современном понимании. Ответ здесь, скорее всего, будет отрицательным. Но в любом случае, история как способ осмысления человеком своего места в мире сложился задолго до оформления новоевропейского сциентизма и, тем более, культурологи. По меркам истории человеческой мысли культурология – младенец. Еще столетие назад, т. е. три–четыре поколения, ее существование могло быть только предметом гаданий фантастов или протофутурологов. По результатам, значению, роли в истории человеческой мысли культурология, как говорится, «не в версту» историографии. По тому же историческому счету и сциентизм – недавнее явление. Его истоки следует искать в науке Нового времени, насчитывающей не более четырех столетий, а собственно сциентизм – и того меньше. Сциентизм имеет свои пределы (не только познавательные, но и культурно-исторические), его содержание исчерпаемо. Ему на смену придет другая конфигурация знания, которая вовсе не обязательно будет его противоположностью или отрицанием науки как идеала. Не история должна искать оправдание в науке, а, наоборот, наука – в истории. Именно история будет судить и оценивать науку вне зависимости от того, как сейчас наука относится к истории. История экзаменует науку, тестирует последствия ее открытий, которые наука далеко не всегда предвидит, вскрывает реальное значение ее результатов, отмечает отклонения и срывы на пути постижения и овладения природой.

Тем не менее, в современной философии и эпистемологии истории сложилась антитеза в понимании задач и методов историографии, ее претензий на познание действительности и их пределов. Эту антитезу обозначают как сциентистский и культурологический подходы. В методологическом плане ей соответствует различие объяснения и понимания.

Сциентизм – это современная форма научного знания, для которой характерна уверенность в постижимости бытия только методами естествознания и точных наук (математики), вера во всемогущество науки в познании и преобразовании мира. Только наука дает истинное знание о мире, выраженное в форме всеобщих и необходимых суждений и устанавливает процедуры их верификации. Сциентизм ориентируется на

идеал объективного знания и настаивает на практическом применении такого знания.

Сциентистский подход означает перенесение принципов и критериев научности на историю. Иными словами, история, если она претендует на истинное познание мира, должна быть наукой, точнее, одной из наук об общественных явлениях. История должна отказаться от поиска смыслов, поскольку смыслы не могут быть верифицированы, т. е., в конце концов, редуцированы к данным чувственного опыта. Все качественные характеристики изучаемых явлений история должна свести к количественным, доступным исчислению и формализации. Сциентистский подход предполагает ряд допущений, вне которых его требования теряют силу. Прежде всего, это касается предмета науки. Наука изучает природу, которая рассматривается как дегуманизированное и обескачественное существование. Частью природы являются общество и человек, т. е. можно говорить о «природе общества» и «природе человека», подчиненных тем же законам и уставам, что и земная природа. Даже если общество имеет свои специфические законы, то они не могут противоречить законам природы и являются столь же всеобщими и необходимыми. Строго следуя принципам сциентизма, история должна отказаться от человека и изучать процессы и структуры, в которых действуют безликие силы, управляемые общими законами. Сциентизм также сильно упрощает саму действительность, вынуждая историю отказаться от смыслового измерения реальности, вынести за научные рамки в область исторической беллетристики все рассуждения о значении в истории идеалов и эмоций, мотивов и утопий, ценностей и верований, отказаться от любых видов оценок. Понятно, что идя за такими рекомендациями, история перестает быть историей.

Между тем, с наукой историю объединяет, главным образом, то, что в них находит выражение чисто познавательная потребность – поиск истины, причем эта потребность регулируется и общим императивом – бескорыстным поиском истины. Для истории познание истины локализуется в требовании «знать как было на самом деле», т. е. истина истории и науки истолковывается онтологически, как *то что есть*.

В историографии и теории истории XIX в. сциентистский подход отчасти нашел отражение в методологии историзма. В качестве метода познания историзм сложился в XIX в. Методологические претензии

историзма распространялись не только на историографию, но и естествознание, литературу и даже искусство. Впервые, термин «историзм» употребил в 1797 г. Ф. Шлегель. Романтические истоки «историзма» сказались в том, что в качестве понятия до середины XIX в. он использовался, главным образом, в контексте искусства и литературы.

Происхождение историзма связано с немецкой научной и литературной традицией. Романтические идеи Ф. Шлегеля о развитии человечества от первобытного варварства через античность к утонченной современной культуре, Ф. Гёльдерлина о двух замкнутых мирах (античном и европейском) были дополнены учением И. Гердера и немецких философов (И.Г. Фихте и Г.Ф.В. Гегель). Философию истории Гегеля принято считать классической формой историзма. Согласно Гегелю, каждая новая эпоха в истории была результатом предыдущей, противоречия внутри которой и приводили к переходу на новую ступень развития. Содержание исторического процесса Гегель определял как прогресс в сознании свободы. В немецкой классической философии нашла спекулятивное обоснование идея развития. Некоторые принципы историзма можно усмотреть в античности (рациональная рефлексия о прошлом, представление о генезисе явлений) и христианстве (представление об истории как процессе, имеющем определенные временные рамки (начало и конец истории) и совершающемся по определенному плану в конкретных условиях земной жизни).

Принцип историзма означает рассмотрение явлений в развитии, имеющих начало (генезис) и окончание. Явления следует воспринимать как определенный процесс становления, происходящий во времени, т. е. развивающийся постепенно. Определенность этого процесса как раз и задается его границами, пределами – началом и завершением, т. е. это конечный процесс (в противоположность вечности), протекающий в конкретных условиях или обстоятельствах земного бытия. Характеристиками процесса развития являются линейность, прогрессизм либо эсхатологизм (в христианских версиях истории), каузальность, т. е. обусловленность событий предшествующими состояниями. С точки зрения историзма всемирно-исторический процесс един, однонаправлен и поступателен, т. е. имеет свои стадии развития, периодизацию, он подчинен объективным закономерностям (законам природы, общества

либо Провидению, в религиозном варианте). Каждая из стадий, эпох или периодов истории уникальны. Эта уникальность фиксируется в «идее эпохи», «народном духе», соответствии производительных сил производственным отношениям и т. п. Сам исторический процесс универсален, уникальны лишь его конкретные проявления. Историзм признает объективность социально-исторического процесса, реальность исторических фактов; убежден в познаваемости мира (в том числе, истории) таким, каков он есть на самом деле. Для классического историзма XIX в. субъектом исторического развития являются государства и народы, а основной материал для всемирно-исторических построений и обобщений заимствуется из европейской истории.

Полнее всего программа историзма была реализована в исследованиях немецкого историка Л. фон Ранке (1795–1886), который признавал доступность исторического бытия познанию, полагал, что историк должен изучать события (фрагменты исторического бытия), среди которых он отдавал предпочтение политическим событиям. Важное место в своих работах Ранке отводил изучению великих личностей и их роли в истории. Единственной опорой нашего знания о прошлом он считал источники, в которых отражены свидетельства об объективных фактах, поэтому историческое исследование должно начинаться с критического разбора источников. Труды Ранке демонстрировали преемственность в развитии общества и подчеркивали положительное значение традиции в истории, культуре и политической жизни. Сциентистские потенции историзма были востребованы в университетской методологии и философии истории [1, с. 360–368; 2, с. 146–155]. Крупнейшим методологом истории в России в конце XIX – начале XX в. был А.С. Лаппо-Данилевский [3]. Сциентистский подход и методология историзма нашли обоснование в теоретических разработках русских историков, ориентирующихся на философию истории Гегеля (В.И. Герье, Б.Н. Чичерин и др.) [4, с. 78–81] и позитивизм (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков и др.) [5, с. 159–161; 6, с. 52–60]. Именно с опорой на философские установки позитивизма и провозглашаемой им новой науки об обществе – социологии, строились первые курсы методологии истории, читавшиеся в российских университетах. Значительный вклад в разработку вопросов методологии истории внести историки, опирающиеся на философские установки неокантианства [7, с. 107–126].

Развитием принципов историзма стало философское учение марксизма – исторический материализм. Признавая реальность прошлого, марксизм усматривал в истории действие объективной закономерности, благодаря которой исторический процесс распадался на несколько стадий или общественно-экономических формаций (первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую). Переход от одной стадии к другой происходит в силу накопления противоречий между производительными силами и производственными отношениями в экономическом базисе общества. Переход этот осуществляется скачкообразно, в результате революций. Источник развития общества марксизм видел в противоречиях, конфликтах, проявляющихся в борьбе классов. В истории марксизм отдает предпочтение разрывам перед традицией. Каждая новая общественно-экономическая формация является отрицанием предшествующей. В то же время неизбежность смены формаций и торжество коммунизма К. Маркс понимал по меркам ветхозаветного эсхатологизма, где революция воспринималась как апокалипсис, а диктатура пролетариата заменяла еврейский мессианизм.

В конце XIX в. историзм подвергся критике со стороны философии жизни (В. Дильтей, Ф. Ницше), циклических концепций исторического процесса (Н.Я. Данилевский), с позиций эмпириокритицизма историзм в России критиковал Р.Ю. Виппер. В первой половине XX в. эта критика была продолжена в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Поппера и др. Оспаривались в первую очередь такие положения историзма как европоцентризм, линейность (стадиальность), каузальность и жесткий детерминизм, объективизм, универсализм.

«Второе дыхание» историзм получил в конце XX в. в связи с разработкой глобалистских моделей истории. К положительным идеям историзма следует отнести принцип «исторического измерения» явлений, связи времен, невозможности познания явлений вне их истории.

Ограниченность сциентизма и его универсалистских претензий становились очевидны по мере того, как он набирал силу и самоуверенность. В конце XIX в. в немецкой философии стали предприниматься попытки провести различие в рамках самой науки по методу (номотетический и идеографический) и предмету (науки о природе

и науки о духе). Последователь «философии жизни» В. Дильтей ввел в оборот понятие «науки о духе» (Geistwissenschaften), которое было переводом на немецкий язык английского выражения «moral science» – ближайшего предка современной культурологии. В отличие от предмета естествознания, жизнь дана нам непосредственно, мы ее переживаем. В. Дильтей полагал, что надо «понять жизнь из нее самой». Предмет истории как науки о духе не принадлежит к внешнему опыту, а является частью опыта внутреннего (переживание смысла). Реабилитация смысла привела к обоснованию новой дисциплины – герменевтики или философии понимания. Специфичность наук о духе определялась субъективностью и историчностью. Иными словами, история была не просто одной из наук о духе или явлением культуры, наравне с наукой, религией, философией, государством, правом, искусством и др., а их существенной особенностью, отличающей культуру от наук о природе. Все науки о культуре историчны. Явления культуры существуют в истории, познаются и раскрывают свое содержание через историю.

История и культура являются способом жизни человека. Науки о культуре имеют дело с очеловеченным и осмысленным бытием. Смысл же мы истолковываем и переживаем, а не объясняем. Если история укоренена в прошлом, то культура – это история, данная в настоящем. Культура – это реальность истории, опредмеченная история, инобытие истории во времени (настоящем). История отливается в формы культуры. Задача историка – показать жизнь в памятниках культуры, т. е. дать возможность пережить заложенные в них смыслы.

Культурологический подход возвращает историю к индивидуальному, уникальному, к той смысловой реальности, в которой человек находит себя и пытается оправдать свое место в мире. Культурологический подход пытается вскрыть аутентичное содержание прошлого; воспроизвести те смыслы, ценности, идеалы, понятия, которыми жили люди, в которых они мыслили и посредством которых воспринимали и оценивали мир, т. е. познать прошлое из него самого. В российской университетской историографии начала XX в. этот подход был реализован в историко-культурных исследованиях А.С. Лаппо-Данилевского по русской культуре XVIII в. (до настоящего времени полностью так и не

опубликованных), а также в работах научной школы И.М. Гревса, в первую очередь, его самого талантливого ученика – Л.П. Карсавина.

Конкуренция двух подходов – сциентистского и культурологического – не привела к их конвергенции или симбиозу. Каждый из них выработал свои методы, схемы объяснения, критерии истинности, т. е. превратился в полноценный и самодостаточный дискурс со своим профессиональным жаргоном. Понять друг друга последователям разных подходов тяжело; они говорят на разных языках. Согласование позиций затруднено и тем, что овладение этим дискурсом уже требует достаточно специального образования.

Нельзя сказать, что сциентистский и культурологический подходы дополняют друг друга, или, напротив, кардинально исключают друг друга. Современная историография и философия истории обращаются к обоим этим подходам. Может возникнуть вопрос: почему историческая наука до сих пор не выработала единый взгляд на прошлое, почему нет *одной* истории? Почему каждое поколение заново переписывает историю? Вероятно потому, что у каждого поколения есть потребность в *своей* истории. Изменяются ценностно-мировоззренческие установки поколения, появляются новые задачи у науки, открываются новые данные и новые знания, в целом наука выходит на новый уровень. Все это побуждает вновь обращаться к тем же сюжетам, эпохам, героям, заново их интерпретируя и осмысляя. Заново прочитывая историю, каждое поколение стремится сказать свое слово в постижении прошлого, опровергает и пересматривает прежние концепции, поэтому последнее слово в истории никем еще не произнесено и едва ли будет произнесено. Не следует забывать и об идеологической функции истории, выступающей мощным оружием формирования национального сознания. Само это сознание не дано изначально; оно задается и требует постоянного воспроизводства. Историки, вне зависимости от того, хотят они того или нет, своими исследованиями поддерживают и корректируют национальное сознание, которое не может существовать вне интерпретационных и пропагандистских потенциалов историографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Безлепкин Н.И. Проблема единства и многообразия истории в отечественной философии истории второй половины XIX в. // Международные отношения и диалог культур. Сб. научн. Статей. № 4 (2015).

2. **Безлепкин Н.И.** «Русское воззрение на историю» // Управленческое консультирование. 2016. № 7 (91).
3. **Ростовцев Е.А.** А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
4. **Кирякин А.В.** Раб или творец истории? Теория исторического процесса Б.Н. Чичерина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-2.
5. **Шилко Т.И.** Историческая закономерность в трактовке российской позитивистской историографии (вторая половина XIX в.) // Альманах современной науки и образования. 2015. № 6 (96).
6. **Михайлова Е.Е.** Особенности философии истории русского позитивизма // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 27 (2). СПб., 2015.
7. **Русакова О.Ф.** Неокантианская модель философии и методологии истории // Политический вектор-PRO. Комплексные проблемы современной политики. 2015. № 1.

MALINOV, Alexei V. – Doctor of Philosophy, professor of the Department of Russian philosophy and culture at Saint-Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

ACADEMIC PHILOSOPHY OF HISTORY: FROM SCIENTISM TO CULTURAL STUDIES.

The paper deals with the scientism, historicism, cultural studies, methods of historical cognition and ways of the cognition of the reality. The pretension of the natural science to the achieving of the objective knowledge leads to the efforts to ground history as a science similar to natural science, which discovers the laws of social life, cognizes that which “happened in reality”. That approach was realized in the 19th century historiography with its principles of historicism implying universality and stages of the social and historical development. The culturological approach within historiography pointing out the individuality and uniqueness of the historical events, admitting the presence of the historical sense and striving for the cognition of the ideals and values by which the people were guided in the past was formulated as the alternative to scientism. History, philosophy of history and methodology of history did not work out a united approach to history. In the strict sense of the word scientific and culturological approaches do not compliment and do not oppose each other. Each of these approaches formulated its own methods, and schemes of explanation, criteria of truth and professional notions. In other words, culturological and scientific approaches transformed into the self-contained discourses.

HISTORIOGRAPHY; SCIENCE; SCIENTISM; HISTORISM; CULTURAL STUDIES.
